

№ 1
ИЗДАНИЕ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЪСЯЦ.

№ 1
БЕЗПАРТИЙНОЕ.

Подписка пока принимается только на розницу.

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЧАЙКА

Воскресенье 19 (6) мая 1918 года.

Так как у «Чайки» еще нѣтъ опредѣленного пристанища, то имѣющим до нея дѣло надлежит обращаться в городскую библиотеку, в дни и часы открытiя послѣдней (уг. Гольшой и Американской). Почтовые отправления просьба адресовать туда же, с помѣткой для редакци «Чайка».

ЦѢНА 50 КОП.

Второй номер „Чайки“ будет цѣликом посвящен личности Ф. И. Чудакова, с напечатанием двух его портретов.

Руку друг другу!

Воинствующая буржуазия стягивает под свое знамя и объединяет вокруг себя все действительные контр-революционные элементы. Она готовится к последнему натиску, долженствующему или вернуть ей потерянные позиции, или окончательно и навсегда отказаться от мысли силою оружия отбить их у своего противника. Нѣтъ сомнѣній, что тѣ силы, которыя группируются под вывѣской Семенова, ничего не имѣют общаго с меньшевиками, или вѣрнѣе, с тѣм стимулом, с той основой, которая ставит их в оппозицію идейному большевизму. Меншевики и большевики, идейные, конечно, — это родные братья.

Разница между ними лишь та, что один из них — меньшевик — говорит, что революцію, чтобы не убить ее плодов, необходимо ограничить установлением буржуазно-демократическо-республиканскаго образа правления, как переходной стадіи, долженствующей подготовить народныя массы к переходу к социалистическому строю, который дѣйствительно исключит всякій вид частной собственности, т.-е. уничтожит то главное и основное, что дѣлит людей на богатых и бѣдных, имущих и неимущих.

Другой же брат — большевик — не согласен с этой точкой зрѣнія своего меньшого брата. Он говорит, что если сразу нельзя осуществить социализм в полной мѣрѣ, то это не значит, что мы должны отказаться хотя бы от частичнаго его проведения в жизнь. По его мнѣнію, важно положить начало основам социалистическаго строя, а таким началом он считает переход всей полноты власти исключительно в руки трудового народа, трудового пролетариата.

Вот в чем заключается основное несогласіе между двумя родными братьями. Это, конечно, совершенно не то, что заставляет буржуазію быть в оппозиціи к тому и другому. Органически она в равной мѣрѣ ненавидит и большевиков и меньшевиков. Если она относится болѣе терпимо к меньшевикам, то только потому, что они не намѣрены сразу вычеркнуть ее из новаго строя, тогда как большевики сразу в новом строѣ обрекают ее на гражданскую смерть.

Понятно, что большевики и меньшевики, споря между собою, исходят лишь из принципиальнаго несогласія относительно своевременности или несвоевременности немедленнаго перехода к социализму. Что же касается вопроса о возвратѣ к старому монархическому строю, то, разумѣется, ни большевики, ни меньшевики ни желать этого, ни способствовать этому органически не могут, ибо содѣйствовать реставраціи монархіи — это для них обоих значит собственноручно рыть себѣ могилу, подписывать свой собственный смертный приговор.

Буржуазія же — дѣло совсем другое. Она хотя и увѣряет, что, борясь с совѣтскою властью, не преслѣдует монархических цѣлей, но на самом дѣлѣ она охотно пойдет рука об руку с монархическими элементами вплоть до их конечных домогательств.

Ясно, что от такого союза двух хищников всему истинно демократическому, истинно революціонному необходимо отмежеваться, и ни прямо, ни косвенно не помогать их торжеству.

Пора, товарищи большевики и меньшевики и просто революціонно, анти-монархически настроенные граждане, пора хотя временно прекратить принципиальную грызню, отбрышиться от

Мой девиз.

Я чайка—бѣлая. Летать высоко не умѣю. Вожусь близ рѣк, прудов, озер, морей и океанов. Питаюсь рыбой. Иногда и крошки подбираю, когда бросают мнѣ их с корабля или ладьи. Живу в великой дружбѣ с моряками. Завидя их корабль, или лодочку рыбачью, я с криком радостным несусь туда, сажусь на мачты, реи, кружусь над палубой, вокруг и около носусь. И люди тѣ, что ко раблями управляют, измученные бурями, борьбою с непогодой, с сердитым, гнѣвным морем и его свирѣпыми волнами, — приветливо, с улыбкой кроткой, незлобливою взирают на меня и хлѣб бросают мнѣ в награду за вѣсть, приятную их сердцу, за радостную

вѣсть о близком берегѣ, о тихой, безмятежной гавани, гдѣ нѣтъ ни бурь, ни шквалов, гдѣ и память о девятом валѣ испарится, погаснув в радостном сознаніи конца стихійнаго пути, в свиданіи с семьей, с родными существами, в ласковом мурлыканьи кота, во всем уютѣ, нѣгѣ и покоѣ милаго, роднаго очага.

Я чайка—бѣлая, и мой девиз — вѣщать измученному люду о близости всего, что мило сердцу и душѣ его, о том, гдѣ все кошмарное, тяжелое и злое уж не напомним о себѣ и не нарушит мирной жизни, не потревожит отдыха и мирнаго труда.

Чайка.

)—(

Три начала.

(Посвящается свѣтлой памяти Федора Ивановича Чуданова).

«Да здравствует разум, да скроется тьма!».

Ф. Чуданов.

В человѣческой природѣ живет свѣтлая божественная Троица. Первое лицо этой Троицы есть царь царей — Разум, который своим лучезарным свѣтом разгоняет тьму, окутывающую тайны мірозданія, и из крупинок Истины, собираемых трудолюбною рукою Навки, созидает на мѣстѣ исчезающаго Мрака величественный храм свѣтлаго божества людей — Знанія.

Второе лицо есть мать всего живущаго — Любовь, которая, подобно солнцу, наполняет человѣческую жизнь теплом и свѣтом радости нѣги, довольства и украшает ее цвѣтами счастья.

Третьим лицом является пре-

краснѣйшее свѣтоносное существо, зачатое Любовью и Разумом и нареченное Совѣстью, которое укажет путь: человѣку — к Правдѣ, Добру и Справедливости, а народам — в Царствіе Божіе на землѣ.

Эта животворящая и живоносная Троица, олицетворяющая божественныя начала свѣта и тепла, заложенныя в человѣческую природу, вытѣснит все темное и злое из Народной Души. И в ней останется жить только доброе, разумное и вѣчное!

Ничего, что голос Разума сейчас придвинуен и звук его подобен предметному хрипу: ничего, что не раздастся сейчас чудодѣйственная пѣснь Любви, то нѣжная и чарующая, то пламенная и страстная, льющаяся из самой глубины горячаго сердца, растворяющая лед и превращающая воду в сладостный, пѣняющійся, живительный напиток, утоляющій великую жажду всего живу-

шаго и произрастающего на землѣ: ничего и то, что среди удущающего мрака и чада страстей не видно сейчас яснаго лучезарнаго лика Совѣсти, с уст которой не слетают, как сизокрылые голуби, завѣтные слова, огненными искрами обжигающія душу и испепеляющія в ней все нечистое и недоброе, как не слышно и ея благотворнаго дыханія, подобнаго умиротворяющей музыкѣ, нѣжному, ублаживающему шелесту листвы, мягкому журчанію серебрястаго ручейка, тихо катящаго свѣтлыя живительныя струйки...

Разум, низринутый ураганом в трясины земного тартара, тѣтно силится выбраться из засасывающей его тины, под обманчивым маревом ярко - цвѣтистаго флера таящей бездонную пронасть холода и тьмы.

Любовь, как трепетная лань, обѣтая страхом и ужасом разрушенія, разливаагося по землѣ и побѣдно шествующаго по ней, как всеокружающій девятый вал гнѣвнаго, взбаламученнаго моря, загнана в подполье, и здѣсь, впав в глубокій обморок, лежит бездыханным трупом под курганом руин разрушеннаго стараго міра.

Совѣсть, одурманенная и усыпленная снотворным зельем, при готовленном из химер и утопій, растлѣна похотливцами и развратниками. И ея прекрасное тѣло, повернутое в состояніе летаргій, липающей ея возможности прикрыть в своей наготѣ, хотя бы рвкою, то, что даже первобытные дикари не оставляли без фиговаго листа, выставлено на показ, для опозоренія и глумленія всемірнаго.

Но настанет момент, когда Разум, барахтающійся в зыбнах и трясилах житейскаго болота, куда его швырнула разгнѣванная стихія, как ненужную ветопшь, вскарабкается на чокку и, почув-

ствовав под ногами твердую опору, отряхнет тину со своих могучих крыльев, расправит их и снова воспарит в небесной лазури, недосыгаемый для болотной слякоти и неподвластный ея тлетворному влиянію. И тогда его голос — сильный, ясный и зычный, — разносясь по вселенной мощными громовыми раскатами, зазвучит в человеческой душѣ, как набатный колокол, зазвучит к мирной жизни, к честному труду и братскому сожителству народов.

И Душа Народа, пришедшая в состояніе бвствующей стихіи, услыша божественный голос Разума и внемля его властному зову, вострепнется, осѣнит себя крестным знаменіем и голосом, преисполненным тоски и скорби по той, которая наполняла ее свѣтом, миром и покоем, воскликнет:

— Совѣсть, гдѣ ты? Зачѣм покинула меня? Отзовись, мое дитячко ненаглядное, мое сокровище безцѣнное! Заблудилась ты, что-ли, моя голубушка?

— Она на площади позора, — прогремит Разум. — Ступай туда!

И Душа Народная, покорая указующему голосу Разума, помчится на роковую площадь с ураганной радостью матери, нашедшей слѣд пропавшаго дитя. Но радость ея смѣнится страшным горем и новым взрывом святого негодованія и гнѣва, когда у позорнаго столба она найдет свою чистую дѣвственницу в положеніи блудницы.

— Кто завлек ее в сѣти разврата? Кто надругался над нею? Кто злоупотребил ея довѣріем, лишил ея чистоты и невинности? Кто сдѣлалъ ея продажной тварью? Кто превратил ея, мою кроткую незлобивую голубицу, в орудіе адской пытки и дьявольскаго глумленія надо мною? — с великим стоном, плачем, и стenanіем возопіет Народная Душа,

глядя на свою поруганную святиню.

— Всѣ и никто, — прогремывает в отвѣтъ голос Разума.

— Не правда! Я знаю: ее развратили буржуи. Горе им!

— Ты ошибаешься, — отзывается Разум, — говорю: всѣ и никто.

Но народная Душа, вся охваченная буйным приливом неукротимой ярости, бѣшено закричит:

— Врепшь, окаянный соглашатель! Берегись и ты! Правду не спрячете от меня! Я сокровищу все, что станет на моем пути к ней! Не сдобровать и тебѣ, если подвернешься под руку! Берегись!

И пойдет справлять безумную тризну по утраченной вѣрѣ в кристальную чистоту и непогрѣшимость Совѣсти. Кружась в вихрѣ вакхическаго краснаго танца, аккомпанируя красной музыкѣ красным рыданіем и обливаясь потоком красных слез, Народная Душа во время этого кошмарнаго краснаго пира-тризны будет похожа на бѣснующуюся красную фурію, которая своим красным дыханіем, красными слезами, их красным испареніем и вообще веѣм своим красным существом окрасит в кроваво-багровый цвѣтъ не только всю землю, но воздух и самое небо.

И вот в самый разгар краснаго ужаса ярким бѣлым пламенем вспыхнут слова Разума:

— Ты приблизилась к безднѣ. Остановись!

— Замолчи, презрѣнный соглашатель! — в яростном ослѣпленіи завоет Народная Душа и, движимая слѣпой ненавистью ко всему бѣлому, ринется с обнаженным мечом на свѣтлыя пятна, мелькнувшія перед ея глазами на красном фонѣ, и... провалится в Бездну.

Погрузившись с головою в холодную тьму Бездны, она вся

похолодѣет, сѣжится и задрожит, как лист. И дрожаніе это будет ужасно, ужаснѣе краснаго плача и стенаній, ужаснѣе пира красной мести.

Оно поднимет черное волненіе, черную бурю косматых дьяволов, которые, громоздясь друг на друга с раскрытой черной пастью, уснащенной аршинными кровавыми зубами, с глазами, пылающими неугасимой черной злобой, потянутся к Бѣлому Пятну, витающему над Бездной.

Но опасность, угрожающая Бѣлому Пятну со стороны черных слуг Мрака, не вызовет мстительной радости в Душѣ Народа.

В ней вдруг неясным предразсвѣтным мерцаніем затеплится слабое сознаніе, что без помощи Бѣлаго Пятна, как путеводной звѣзды, ей никогда не выбраться из Бездны — отвратительнаго жилища Мрака. И этот забрезжившій предразсвѣтный луч пробудит в Народной Душѣ острую тоску по Солнцѣ, и она, как ребенок, истосковавшійся по материнской груди и ласкѣ, жалобно взмолится:

— Любовь моя, солнышко мое! Выгляни из-за туч: я замерзаю!

Но любовь не услышит ея призыва. И Народная Душа, не зная причин молчанія Любви, обяснит его «саботажем». И ее снова схватит пароксизм неистовства и она бѣшено завопит:

— Куда ты запряталась, проклятая саботажница? Отзывайся, подлячка! Вѣдь все равно разыщу! Тогда нащепая из тебя лучины на освѣщеніе себѣ и на топку печи!

— Ты ошибаешься, — раздается голос Разума, звук котораго «бѣлыми зайчиками» прорѣжет тьму Бездны. — Любовь не саботажница. Она молчит потому, что не слышит твоего зова, так как впала в обморок от стра-

ха и недостатка воздуха в подполье, куда ее загнали красные волны твоего гнева.

— Врешь все, не вѣрю!

— Невѣрие уже довело тебя до Бездны.

Эти слова Разума прозвучат, подобно молнии, разрывающей тьму, и возымѣют дѣйствіе на Народную Душу, как на больного опредѣленіе врачом его болѣзни. И в ней, подобно искрѣ, таящейся под пеплом, вспыхнет ярким пламенем надежда, загорится жгучая жажда вѣры в Разумное и Свѣтлое. И она воскликнет:

— Я хочу вѣрить во все, что исходит от Солнца, и увѣрую всей силой, всей глубиной моего существа, если ты докажешь, что ты—не наймит моих поработителей, не провскатор, искусно завлекающий меня в их сѣти; что Любовь—не ткачиха неуволимых нитей, опутывающих мою волю цѣпями кротости и снисходительности к моим врагам; и что Совѣсть—не кривое зеркало, избрѣтенное буржуазіей, не граммофонная пластинка, нагѣтая тѣми, кому выгодна моя глупая сантиментальность.

— Какія доказательства тебѣ нужны?—как полет бѣлаго голубя, всколыхнет голос Разума тьму.

— Сдѣлай так, чтобы я снова увидѣла Солнце, ощутила бы всю радость бытія! И тогда моя вѣра займется таким пожаром, котораго не залить водою всѣх рѣк, морей и океанов!

— Хорошо, — радугой засвѣтятся на горизонтѣ Бездны слова Разума, — я согласен вести тебя к Солнцу. Но знай, что восхожденіе твое из Бездны будет страшно трудно. Твоя вѣра в Солнце потянет тебя вверх, а Мрак, как грузило леску, будет увлекать в Бездну. И если ты поборешься в себѣ внушаемую Мраком непри-

язнь ко всему, что напоминает о вѣрѣ в Свѣтлое, Разумное, то Солнце засвѣтит для тебя еще ярче прежняго. Но если не осилить этой неприязни и позволить ей увлечь себя на самое дно Бездны, то навѣки останешься там прозябать во власти Мрака.

— Я тоскую по Солнцу, а Мрак ненавижу! Веди меня к Солнцу, я буду боготворить его! —с надломом воскликнет изстрадавшаяся и изболѣвшая Народная Душа!

И Разум, витая Бѣлым Пятном над Бездной, тронется в путь. Народная Душа, горя жаждой увидѣть Солнце, послѣдует за ним. Но черные демоны, слуги Мрака, как пиявки, вопьются в ея тѣло и повиснут на ней столбовыми гирями. И она неоднократно в изнеможеніи споткнется и упадет под тяжестью этой страшной ноши. И ея мрачные спутники не раз словами черной лжи и коварной лести разлуют в ней пламя страстей и вложат в ея руку острый меч для пораженія в спину ея бѣлаго поводыря. Но загорѣвшаяся в ней вѣра в Свѣтоносную Троицу и инстинктивное отвращеніе к Мраку и его черной челяди удержат занесенный меч и гнев ея растворят в непреклонном рѣшеніи терпѣливо и твердо идти по пути, указанному Бѣлым Пятном.

И этот путь, восхожденія на кручи, висящія над зияющими пропастями Бездны, наконец, выведет ее на грань безпредѣльной, как Вѣчность, равнины, гдѣ Мрак оставшейся позади Бездны, войдя в соприкосновеніе с первыми проблесками Разсвѣта, этого вѣстника близости Утра, ведущаго несмѣтную бѣлую рать Солнца, вдруг вздрогнет, пошатнется и по черному лику его разольется смертельная блѣдность. И черный дух Мрака пораженнаго на смерть Разсвѣтом, отле-

тит в Вѣчность, растворится в пучинѣ тепла и свѣта, излучаемаго Солнцем.

Но черные слуги Мрака переживут своего господина. Они заползут в самую глубь Народной Души и, спрятавшись в складках ея дна, долго еще будут затемнять ея сознание ложными предствленіями о Справедливом, Добром и Злом, сбивать ее ложными маршрутами с правильнаго пути, ведущаго в царство вѣчной Красоты и Правды.

Но, Разум, Любовь и Совѣсть, —просвѣтленные, омытые и очищенные от всего мелкаго, грязнаго и пошлаго горькими слезами и великими страданіями крестнаго пути от Мрака к Солнцу, —помогут Народной Душѣ отличить как ложное от истиннаго, так и проселочную дорогу от великаго тракта в Царство Божіе на Землѣ, то есть в Царство Труда, Братства и Равенства.

И потому да здравствуют три великія божественныя начала: Разум, Любовь и Совѣсть!

М. Катаев.

На смерть Ф. И. Чудакова.

В порывѣ волн талантливо-стихійный
«Амурец» много написал стихов.
Грозой для всѣх был «Дятел,
беспартійный»,
Но жаль, что семь лишь номеров.
Какая простота, какая сила в
слогѣ
Принадлежат его стихам!

Поэт амурскій показал дороги
Всѣм юным, страстным рифмачам.

Прощай, писатель молодой,
Тебя всѣ долго помнить будут:
Стихотвореній блеск живой
Живые долго не забудут.

Николай Петров.

)—(

Красная Фемида.

(Фантастическій эксиз).

Народ, стекаясь толпами на площадь, как море, волнуется, шумит, рокочет. И этот его рокот плавает в воздухѣ, точно огромный жужжащій шмель.

— Что там такое? Не водку ли раздают?

— Нѣт. Красная Фемида чинит суд и расправу всенародную над контр-революціонерами.

— А-а!—вырывается из груди спрашивающаго и он опрометью пускается бѣжать тѣла же.

Гул на площади растет по мѣрѣ увеличенія народной толпы.

— Вниманіе, граждане! — покрывая общій гул, раздался зычный голос главнаго прислужника Красной Фемиды, с нахмуренным челом и сдвинутыми бровями возсѣдающей на возвышенности.

Держа вѣсы правосудія и устремив незрячія очи в сторону приведеннаго на ея суд печальнаго человѣка, она сурово обратилась к нему:

— Как ваше имя, отчество и фамилія?

— Демократ Революціонерovich Меньшевиков,—отвѣтил тот грустно.

— Ваши политическія убѣжденія?

— Я причисляю себя к истинным социалистам, т. е. я хочу сказать, что я сторонник...

— Контр-революціоннаго движенія? Вы это хотите сказать? Да?—перебила догадливая богиня правосудія.

— Нѣт,—с грустной улыбкой возразил печальный человѣк.—Я сторонник не контр-революціоннаго движенія, а послѣдовательнаго социализма.

— Слова разныя, но суть одна и та же,—сказала Красная Фемида, обращаясь больше к народу, чѣм к обвиняемому.—Дѣло в том, что послѣдовательные социа-

листы находят, что еще не пришло время всем жить по-человѣчески. А народ не хочет ждать, когда соблаговолит притти это время, и желает устраивать свою жизнь по-человѣчески сейчас. Послѣдовательные социалисты противятся этому его желанію. Ясно, что они не хотят быть вмѣстѣ с ним, а кто не с народом, тот естественно против него. Посему все сторонники послѣдовательнаго социализма и принадлежат к стану контр-революціонеров, т. е. врагов народа.

— Нѣтъ! Послѣдовательные социалисты не враги народа, а его истинные друзья!—раздался горячій протест обвиняемаго.

— Не запирайтесь, подсудимый.—полустрого, полудоброжелательно замѣтила Красная Фемида.—Вы уже сознались в принадлежности к контр-революціонному сообществу лиц, именующих себя послѣдовательными социалистами. Идите же и дальше по пути откровеннаго сознанія. Покайтесь чистосердечно в содѣянном вами и вашими сообщниками. Ибо только чистосердечное раскаяніе в своих заблужденіях, в своей винѣ перед народом может послужить основаніем для смягченія вашей участи. Итак, согласны ли вы отвѣчать откровенно на вопросы, которые будут всенародно задаваться вам здѣсь?

— Мое единственное горячее желаніе—быть услышанным народом!—весь оживляясь, отвѣтил подсудимый.

В это время на площади поднялся сильный шум. Там какой-то гражданин крайних взглядов на собственность «соціализировал» носовой платок из кармана своего сосѣда. Это и явилось причиной, заставившей граждан кричать и потрясать кулаками.

— Носовые платки, находящіеся в карманах, социализации

не подлежат!—с глубоким убѣжденіем доказывали одни.

— Если нельзя социализировать носовые платки, то почему же допускается социализация домов, заводов, фабрик, торговых предпріятій, капиталов? — недоумѣнно возражали другіе.

— Смѣшивать заводы и фабрики с носовыми платками могут только контр-революціонеры! — кричали третьи с угрожающими нотками в голосѣ.

Неизвѣстно, чѣм бы кончился этот спор, но Красная Фемида, чтобы водворить на площади правосудія нарушенный порядок, принялась изо всей силы звонить в колокол, висящій возлѣ трибуны. Долго звонила. Остановилась. Перевела дух. И снова принялась трезвонить. А когда площадь нѣсколько утомилась, сказала народу:

— Граждане, сейчас начнется судебный допрос стоящаго перед вами контр-революціонера. Он изъявил желаніе чистосердечно повиниться здѣсь во всех своих вольных и невольных заблужденіях. Слушайте же внимательно его слова и по ним судите об его виновности перед народом!

Толпа совсем стихла. Слышно только ея тяжелое сопѣніе, как порывистое дыханіе нѣкоего тысячеголоваго чудовища.

— Кайтесь! — повелительно произнесла Красная Фемида, повернув незрячее лицо свое к подсудимому.

Тот встал на скамью, на которой сидѣлъ раньше, обнажил голову и с минуту стоялъ как молча, как-бы собираясь с мыслями.

— Мнѣ говорят, что я враг народа.—начал он дрожащим от волненія голосом. — требуют, что-бы я покался всенародно в чем-то. Но я могу каяться только в одном: в своем горячем желаніи освободить народное сознаніе от тьмы, просвѣтить на-

родный разум, сдѣлать его ясным и мудрым, освѣтить народную душу солнцем знанія и вывести народ на большію дорогу, но не для разбоя на ней, а для истиннаго строительства дѣйствительно свободной, разумной и счастливой жизни его!

— Почему же вы теперь не в числѣ строителей этой самой жизни?—с проницательной улыбкой замѣтила Красная Фемида.

— Отвѣтите сначала мнѣ: кто ее строит?

— Народ!

— Хорошо,—сказал подсудимый уже твердым голосом.—Но знаком ли он с планом того зданія, которое возводит? И вообще есть ли у него строительскія знанія, а если есть, то высоко ли их качество? Можно ли быть увѣренным, что возводимое им зданіе строится на твердом фундаментѣ, а не на зыбком и рыхлом пескѣ?

— Народ, — возвысив голос, отвѣтила Красная богиня правосудія,—строительствует по указанію преданнѣйших ему архитекторов и зодчих, взявших на себя высокую и трудную миссію вдохновителей народных, будителей творческих сил народа и толкователей того грандіознаго строительнаго плана, который предначертан властною рукою Соціализма. Наличие же у народа строительных способностей не станет отрицать даже старый строй, ибо и при нем все строилось народом. Что же касается опасенія, что зданіе, сооружаемое народом, может оказаться возведенным на пескѣ, а не на твердом фундаментѣ, то такое опасеніе совершенно абсурдно, ибо почвой, на которой строится новая жизнь, является сам народ, а тверже, надежнѣе и устойчивѣе фундамента, как могучая гранитная грудь самого на-

рода, не было, нѣтъ и не может быть!

— В постройкѣ старой жизни,—возразил подсудимый, — народ участвовал только руками, но не головой. Поэтому он и был лишь батраком, но не хозяином ея. Так будет и теперь, если в созданіи новой жизни мѣсто народнаго мозга, сердца и души займут архитектора и зодчіи. Нужно, чтобы народ был головой, создавшей свой собственный, основательно продуманный, точно взвѣшенный, измѣренный и всесторонне провѣренный план, по которому архитектора и зодчіи строили бы зданіе, вполне согласное с истинной волей, с подлинным вкусом и желаніем народа, а не наоборот. Но еще лучше было бы, если бы при постройкѣ знанія новой жизни народ был одновременно и головой, вынашивающей план, и руками, строящими по этому плану...

— Подсудимый! — прервала оратора Красная Фемида. — Вы ломитесь в открытую дверь, ибо народ уже теперь—голова и руки, т. е. он сам и планы вырабатывает, сам их и в жизнь проводит.

— Правильно! Вѣрно! — загудѣла площадь.

— К сожалѣнію это и не правильно, и не вѣрно,—мужественно бросил в толпу подсудимый.

— Долой его! — раздались крики гдѣ-то в глубинѣ площади.

Удар колокола призвал крикунов к порядку.

— О, как бы я желал, чтобы не я был прав, а вы!—с глубокой скорбью воскликнул подсудимый, продолжая рѣчь послѣ вынужденной паузы. — Но, повторяю, прав-то, к сожалѣнію, всетаки я. Не однѣми руками, но и головой народ может быть только тогда, когда он сам будет в состояніи читать и понимать то, что написано в книгѣ Соці-

лизма — в этом новозавѣтном Евангеліи человечества, — и о чем он сейчас совѣм не имѣет никакого представлення, или имѣет самое смутное и искаженное понятіе со слов других. Народ наш вообще темный, а в отношеніи социалистическаго ученія он полный слѣпец. У народа, особенно в сектантской средѣ, есть прекрасные слѣпые начетчики, знающіе назубок все Священное Писаніе. Но это вовсе не значит, что весь народ может быть таким же отмынным слѣпым начетчиком. Массу народную необходимо не только обучить вообще и в частности азбукѣ социализма, но ее нужно воспитать в социалистической вѣрѣ, переродить ея эгоистическую, себялюбивую натуру, сдѣлать ее альтруистической, способной проникаться и жить не своими лишь личными интересами, а общей пользой, общим благом и благополучіем всего общества, всего народа, т. е. из сырого гѣста выпечь хлѣб, из песка надѣлать кирпичи. И вот когда каждый атом, каждая отдѣльная единица того гѣла, которое именуется народной массой, из песчинок превратится в твердый обожженный кирпич, — тогда только народ будет представлять собою не зыбкій и рыхлый песок, а крѣпкій, устойчивый фундамент. И на таком фундаментѣ можно смѣло возводить зданіе какой угодно высоты и мощности — кирпичный опементированный грунт все выдержит! Но до тѣх пор, пока народ сам не научится читать социалистическое Евангеліе, не усвоит основ социалистической вѣры, не впитает ея сущности в плоть и кровь свою, — до тѣх пор он будет песком. Вот поэтому-то мы, сторонники послѣдовательнаго социализма, и говорим, что архитектора и зодчій совершают тяж-

кій, непростительный грѣх, строя народными руками прекрасное, величественное по замыслу, но заранее обрѣченное на гибель зданіе, ибо песок, на котором оно возводится, осядет и это вызовет неминуемую катастрофу. Я помню, в Нижнем-Новгородѣ при постройкѣ городского театра обвалилась внутренняя подѣлка и задавила восемь рабочих. Виновник этой катастрофы — молодой самонадѣянный архитектор, не вынявший голосу своего старшаго коллеги и этим самым допустивший несчастье, — был так потрясен трагическим послѣдствіем своей самонадѣянности, что собственноручно казнил себя за это. Мы тоже предупреждали и предупреждаем о грядущей катастрофѣ и нас так же, как нижегородскій архитектор, созидатели социалистическаго строя не слушают и даже приклеили нам позорный ярлык контр-революціонеров и врагов народа. Между тѣм, послѣдствіем той катастрофы, которую предвидим мы, будет не смерть восьми человѣкъ, но жестокое страданіе всего народа. И выразится оно в возвратѣ к былому гнету и безправію, усугубленному крайним духовным и экономическим обнищаніем народных масс.

Словом мы говорили, говорим и будем говорить, что упразднить капиталистическій строй еще преждевременно, что осуществлять сейчас социализм — значит ѣсть зеленый плод. А извѣстно, что всякій, кто употребляет в пищу зеленые фрукты и овощи, рискует в лучшем случаѣ набить оскомину, в среднем — заболѣть поносом, а в худшем — схватить холеру. И только по этим соображеніям мы стояли и стоим за ограниченіе революціи низложеніем монархіи и установленіем демократической респу-

блики. Что же касается буржуазій...

— То вы рѣшили подѣлиться с нею плодами революціи! — крикнул из толпы злобный голос. — Но это у вас сорвалось и вы остались при пиковом интересѣ, т. е. друг при другѣ! Ха-ха!

— При существующих условиях и общем положеніи вещей, продолжал подсудимый, — мы просто считаем не цѣлесообразным и не справедливым ограничивать буржуазію в правах гражданства. Но вообще-то, конечно, буржуазія с нашей точки зрѣнія, как социалистов, есть главное зло, искорененіе котораго и составляет предконечную цѣль всѣх наших домогательств. Но, соглашаясь временно терпѣть это зло, мы лишь имѣем в виду тактическій компромисс, диктуемый всѣм историческим ходом развитія и прогресса в жизни природы и людей. Повторяю, что буржуазія — зло, язва, злокачественная опухоль на тѣлѣ нашей жизни...

— Вот мы и удаляем эту самую злокачественную опухоль путем операціи! — замѣтил голос из толпы.

— В этом-то и заключается ваша коренная ошибка, — отвѣтил подсудимый на реплику из публики. — Дѣло в том, что буржуазія принадлежит к разряду тѣх злокачественных опухолей, операція которых бесполезна, так как такая опухоль указывает на поражение организма раком. А рак, как извѣстно всѣм, не излечим. От него может избавить пораженный им организм не операція, причиняющая послѣднему лишь напрасныя страданія, а только смерть, которая уничтожит причину, а вмѣстѣ с ней исчезнет навсегда и ея слѣдствіе — злокачественная опухоль. Другими словами, буржуазная опухоль на тѣлѣ нашей жизни мо-

жет исчезнуть только с наступленіем естественной смерти капиталистическаго строя. А естественная смерть его произойдет тогда, когда эгоистическіе, себялюбивые, собственническіе инстинкты и наклонности, которыми, как язвой рака, насквозь пропитана вся природа современнаго человечества вообще и нашего народа в частности, будут совершенно убиты в народном организмѣ сознательно воспринятыми догмами социалистическаго ученія и, и когда послѣднее для каждой отдѣльной его клѣточки станет дѣйствительно новым завѣтом, новыми скрижалями, новым Св. Евангеліем, написанным не на пергаментѣ, а в сердцѣ каждаго человѣка, причем носителем и хранителем этого Евангелія явятся не отдѣльные люди, даже не отдѣльные народы, а весь человеческій род.

— Сколько же потребуется времени на такого рода естественное умирание капиталистическаго строя? — проницательно прозвучал голос из толпы.

— Ровно столько, сколько потребуется его на обученіе грядущих поколѣній социалистической азбукѣ, на осмысленное прочтеніе ими социалистическаго Евангелія и на сознательное признаніе всѣми людьми социалистической вѣры матерью всѣх остальных религій, — отвѣтил подсудимый.

— Итак, — продолжал он, — мы, сторонники послѣдовательнаго социализма, говорили:

— Люди, не знающіе грамоты, не могут читать ни по писаному, ни по печатному.

— Н-нѣт! Могут! — возражали нам.

Мы утверждали:

— Люди, не знающіе иностранных языков, не могут понять чужую им рѣчь.

— Ан могут! — опровергали нас.

Мы доказывали:

— Рожденный слѣпым не может видѣть.

— Но он может ходить! — возражали нам.

— Ягненок не может жить среди волков и гien. Они растерзают его. — утверждали мы.

— Вздор! — кричали наши противники. — Волки и гienы, увидя перед собой ягненка, сами сдѣлаются ягнятами!

То, что волки не сдѣлались ягнятами послѣ того, как Россія доврчиво заблеяла перед ними, доказывать не придется. ибо весь мир видит, как волчьи зубы впились в нее и раздрают ее на части.

Но, несмотря на эту очевидную несостоятельность увѣреній наших противников, большинство все-таки пошло за ними, а не за нами. Теперь это большинство, взяв в руки социалистическое Евангелие, держит его перед собою раскрытым и, вода по нему пальцем, читает по складам. Но вслѣдствіе слабаго знакомства с азбукой, путает буквы, а перепутав буквы, перепутывает и смысл прочитаннаго. Поэтому и дѣлает безграмотное большинство не то мудрое, чему учит эта священная новозавѣтная книга, как и идет не туда, куда зовет ее текст. Зовет же он к разумному строительству, к муравьиной работѣ. А наше большинство идет как раз в противоположную сторону — к разбитому корыту...

Но, впрочем, всякій дѣлает то, что он в силах сдѣлать. Большаго требовать ни от кого нельзя.

— Вот и все, в чем я могу покаяться, но не раскаяться. — закончил подсудимый свою рѣчь.

Слово берет обвинитель из публики.

— Граждане! — начал он. — Вы слышали, как Демократ Ре-

волюціонерович распинался за буржуазію! Хотя, грит, она злая баба, можно сказать, совсѣм непутявая и некуданиная, а трогать ее не подобает, потому как это, грит, бесполезно. А почему бесполезно? Да потому, грит, что она в самой печенкѣ у нас сидит, а чтоб выжить ее оттуда — надо, грит, умереть нашему организму, а нам самим заново родиться... Ха-ха! Да как же это мы можем другой-то раз родиться?! Вѣдь для этого нужно влѣзть в утробу наших матерей, а мы — ха-ха! — велики коньки выросли, чтобы снова помѣститься в материнской то утробѣ, и при том никак не можем понасть в нее тѣм же путем, каким выбрались из нея на свѣтъ божій! И потом многія из наших матерей уже на тот свѣтъ отправились, значит и их дѣтям надо туда же переселиться? Покорно благодарим! Премного благодарствуем! Нѣтъ, шалишь, мы не такіе дураки, как изволят понимать о нас Демократы Революціонеровичи! Мы предпочитаем буржуазію отправить к ее праотцам, пусть она переродится там и пожалует к нам оттуда этаким херувимом безгрѣшным... Мы ничего не будем имѣть против такого перерожденія и возвращенія ее к нам. Вот! И потом он грит, что мы будто бы не понимаем того, что написано в социалистическом Евангелии. Нѣтъ, мы прочитали в нем написанное красным по бѣлому и поняли отлично, что буржуазіи не должно быть мѣста среди нас! А раз это так, то разсужденіе о том, что буржуазія — не причина, а слѣдствіе болѣзни — есть не что иное, как манера аблокатекаго языка втирать очки судьям. Нѣтъ, хитроумные защитнички буржуазіи, ваша клиентка есть не злокачественная опухоль, а просто дикое мясо, выросшее на народном тѣлѣ не вслѣдствіе пора-

женія внутренности раком, а по причинѣ неправильной работы органов питанія народнаго тѣла. Поэтому этот дикій нарост мы просто соскабливаем с нашего тѣла даже не ланцетом, не бритвой, а обыкновенным кухонным косарем. Вот! Так что увѣрять, что мы не то дѣлаем, чему учит социалистическое Евангелие, значит морочить нам голову, затемнять наше сознание ложным представленіем сути, т.-е. причинять вред, сѣять в народѣ соблазн. А еще в старом завѣтѣ сказано: «Аще кого соблазняет рука — отруби ее, аще кого соблазняет око — вырви его». Но так как в настоящем случаѣ соблазнителем и совратителем с истиннаго пути является язык Демократа Революціонеровича, то и надлежит этот язык вырвать! — заключил добровольный обвинитель.

— Bravo! Вѣрно! — зашумѣла площадь.

Ораторское мѣсто занимает защитник.

— Я совершенно согласен с обвинителем, — сказал он. — Моему подзащитному дѣйствительно надлежит вырвать язык. Преступленія, совершенныя им, ужасны. Судите сами. Еще во времена самодержавія во имя интересов народа этот язык толкал своего владѣльца на баррикады, под разстрѣлъ, загонял его на каторгу, в сибирскія тундры, в акаутскіе рудники и, наконец, возводил его на висѣлицу. Во имя интересов же народа он, как червь дерево, методически подтачивал устой самодержавія и послѣднее, наконец, рухнуло. По той же причинѣ этот язык заставил своего хозяина в первые дни революціи работать в контактѣ и единеніи со всемі живыми силами страны, в том числѣ и с буржуазіей. Но главное и самое ужасное его преступленіе заключается в том, что во имя великой,

единой и нераздѣльной демократической республиканской Россіи он звал не к братанію, а к смертному бою с ее врагом — германским милитаризмом. И если это самое тяжкое из всѣх его преступленій не осуществилось, т.-е. то, что Россія вышла из войны ни великой, ни единой и ни нераздѣльной, — то это, повторяю, наиболѣе тяжкое преступное желаніе языка моего подзащитнаго не осуществилось только потому, что вы, поняв коварно — преступный смысл его призыва, не допустили до этого, рѣшив, что пусть лучше нога насильника наступит на грудь вашей матери, пусть лучше волчьи зубы растерзают ее тѣло, чѣм вы будете подвергать дальнѣйшей опасности свою драгоценнѣйшую жизнь во имя какого то долга перед родиной, во имя свободы, независимости, блага народа и тому подобных буржуазно — соглашательских выдумок. Мало того, этот язык даже здѣсь, стоя, можно сказать, одной ногой на краю собственной могилы, имѣет дерзновеніе утверждать, что вы идете не по пути в царство социализма, а по пути, ведущему в омут былого монархизма, в объятія жандармов и тиранов.

Он увѣрять, что вам нужна свобода слова, печати, собраній, союзов, нужна неприкосновенность личности, жилища. Все это, по его коварным словам, нужно-де вам, как цвѣтку солнце, что без всего этого вы-де заглохнете, завянете, как вянут цвѣты без свѣта, тепла и воздуха. А на самом дѣлѣ всѣ эти свободы есть ни что иное, как деликатные подвохи буржвев. Без всего этого они не могут свободно набивать свои карманы, не могут свободно грабить вас среди бѣлаго дня, не могут ворваться в вашу квартиру, схватить вас за шиворот, избить, убить безнаказанно или бросить

вас в узилище за ваше свободное слово, за высказанное вами свободное мнѣніе. Вы поняли этот хитроумный подвох и властно крикнули:

— Валитесь вы всё к чорту с вашими свободами, с вашей четыреххвосткой и с вашей учрежденкой!

Вѣрно, товарищи, гоните их прочь со всеми их буржуазными делкатесами. Вы — народ, а народу все позволено. Он может без всяких дальних проволочек и излишней канители распорядиться имуществом и жизнью всѣх и каждого, бросать в тюрьму, гнать в бараний рог супостатов, уничтожать их по поводу и без повода, казнить по суду и без суда. Вы, как народ, можете издавать законы, писать декреты — обязательные для всѣх, но не для вас. Вы строго взыскайте с ослушников ваших законов и декретов, но сами не опускайтесь до них, стойте выше всяких законов, ибо народ — сам себѣ закон: что хочет, то и дѣлает! Писать законы вы должны только для буржуев и буржуинок, как раньше они писали только для подданных, но не для царя и его камарильи. Не смущайтесь тѣм, что это сдѣлает вас похожими на Романовых. Наоборот, вы докажете этим, что вы несколько не хуже их, что вы вполне можете соответствовать им и всему тому, что практиковалось ими, существовало при них и на чем покоилась их власть, их помазанничество Божіе!

Язык моего подзащитного говорит, чтоб вы не поступали так, как поступали Романовы, говорит, что то были тираны, что брать с них примѣр, копировать их, подражать им — недостойно народа, повалившего двух таких гигантов, как Монархія и Буржуазія. Говорит, что народ, извѣдавший на себѣ всю тяжесть само-

державной несправедливости, не может сам поступать несправедливо, народ, так много страдавший от беззаконія, не может сам творить беззаконій, народ, так долго носившій на устах печать вынужденнаго молчанія, не может сам замыкать на замок уста других.

Догадываетесь ли вы о том подвохѣ, какой кроется в этих словах? А кроется он в том, что язык моего подзащитнаго соблазняет вас этими словами отказаться от удовольствія отплатить несправедливостью за несправедливость, отвѣтить насиліем за насилие, воздать беззаконіем за беззаконіе. Понимаете, какого удовольствія он желает лишиться вас? Удовольствія поступать по царски! Нагонять на всѣх ужас и трепет священный! Повергать всѣх ниц и заставлять на четвереньках ползать перед собою не только тѣла людскія, но слова и мысли их! Внушать своим видом, словом и дѣлом, что смерть и жизнь, счастье и несчастье и вообще вся судьба тѣх, кто не вы, зависит не от Бога, закона и справедливости, а от вашего усмотрѣнія, гнѣва и милости!

Он увѣряет также, что вам нужно знать азбуку социалистическаго ученія, нужно умѣть читать социалистическое Евангеліе, что вы должны понять и впитать в свою плоть и кровь его смысл и значеніе, а то-де вы плохо разбираете написанное, путаете его со держаніем, идете не туда, куда надо, и т. д. Все это он врет! Никакой азбуки, никакой науки, никакого умѣнія читать, писать вам не надо. Но и вообще водиться с книгами, школами, гимназіями, университетами и прочими буржуазно-соглашательскими учрежденіями вам не подобает. Поэтому что все это вас сдѣлает похожими на бѣлогрудников, на бур-

жуев и соглашателей. А вы не хотите походить на них! И хорошо дѣлаете! Ибо походить на них — значит не быть самим собой, т.-е. перестать полагаться на авось, да небось, а этой самой авосью, да небось жили ваши дѣды, и прадеды, ничего они не знали, а кто ничего не знает, с того ничто и не спросят. А много знать — на многое и за многое нужно отвѣчать. Вы же предпочитаете знаніе невѣдѣнію. Невѣдѣніе — благое дѣло! Самое разлюбезное занятіе невѣжды — в носу пальцем ковырять и ежеминутно свою родительницу поминать! А бѣлогрудники, буржуи и соглашатели это считают занятіем не приличным, предпочитают ему возню с носовыми платками, очками и книгами. Какая смертная скука походить на них! А их такими дѣлает школа, гимназія, университет, социалистическое Евангеліе. К черту всё эти птучки! Прочь от них, назад, к дѣдам и праотцам! Да сгинет знаніе, да здравствует невѣжество! А посему не правду говорит язык моего подзащитнаго, что будто бы вы идете к разбитому корыту. Нѣтъ! Вы лишь поворачиваетесь лицом к старинѣ, к святому невѣдѣнію, к святой простотѣ своих дѣдов и прадедов, искренно вѣривших в трех китов, на которых держится земля, и сжигавших на кострах еретиков, утверждавших, что земля вертится вокруг солнца, и что звѣзды держатся в небесном пространствѣ сами по себѣ, а не прибиты к небу, как к потолку, гвоздями. Нѣтъ! Тысячу раз нѣтъ! Вы идете не к разбитому корыту, а к былому, когда стада овец, мирно блея, паслись на пастбищах, а пастухи стригли их шерстку и варили в котелках их мясо, к тому, от чего оторвали вас коварные языки бѣлогрудников и соглашателей, т. е. контр-револю-

ціонеров и истинных врагов ваших!

Итак, дорогие граждане и товарищи, я кончу тѣм, чѣм начал:

— Я совершенно согласен с требованіем общественнаго обвинителя вырвать язык подсудимому. Надѣюсь, что и вы согласитесь с этим, ибо язык Демократа Революціонера Меньшевикова, как вы, вѣроятно, изволили убѣдиться, дѣйствительно соблазняет на... здоровое размысленіе. А послѣднее является ничѣм иным, как палкой, вставляемой в колеса кареты, мчащейся на всѣх парах к... былому! Так долой же эту палку! Пусть она не мѣшает скорѣе дѣлать то, на что способны сидящіе в каретѣ!

— Я кончил...

Площадь молчит...

М. Фемидин.

—)(—

Сила жизни.

Весна — очаровательная дочь Солнца, прелестная сѣятельница радости, обновительница Жизни!

С обворожительной улыбкой феи скользит она по землѣ и гдѣ ступит ея розовая ножка, — там все преисполняется побѣдным ликованіем обновляющейся Жизни.

Своим радостным, звонким, золотистым смѣхом обворожительная дочь Солнца будит Природу от зимней спячки и теплотою своего дыханія одѣвает ее в пышные наряды Лѣта.

Но златокудрая кудесница, чарами своего дыханія, освобождающая живыя, творческія силы земли от мертвящих пут Холода, бессильна пробудить спящих сном могилы.

— Мертвых ей не воскресить!

Не в ея власти вернуть бездыханному тѣлу то непостижимое, что жило в каждом его фибрѣ, свѣтилось в глазах, отражалось

на лицѣ, исходило из мозга и трепетало на устах.

Тѣ, чьи очи смежены сном Вѣчности, уже никогда не проснутся, не откроют своих глаз, не отражат в них ни скорби, ни радости, ни гнѣва, ни любви.

Уже никогда не забьется их сердце, не закишат в нем страсти и никогда не раскроются их уста, не произнесут слова одобрения или порицания, как никогда уже не поднимется и их рука—ни для удара, ни для благословения.

— Нѣтъ силы, которая вернула бы им отнятаго Смертью великаго дара Божьяго—Жизни!

Но у Весны есть божественный дар ея отца Солнца—дар творить Жизнь на мѣстѣ пира Смерти.

И от прикосновенія этого дара к останкам былой Жизни, вспрыснутым слезами Весны и обвѣянным ея живительным дыханіем, займутся новыя формы, новыя виды проявленій угасшей Жизни.

И эти проявленія, зародившіяся в могилѣ, потянутся вверх, к Свѣту.

Они пробьются сквозь земляную толщу на поверхность могилы и одѣдут ее зеленым покровом юных побѣгов торжествующей Жизни.

И чѣм бы ни были эти юные побѣги — плевелами, пустоцвѣтом, ковылем, травкой-мудавкой, душистой ромашкой, нѣжной медуницей, диким репейником или злым «татаринком», — но они, взошедшіе на могилѣ тѣх, кто уничтоженіем друг друга думал искоренить неугодное проявленіе Жизни, будут говорить людям об одном и том же: о безконечном разнообразіи Жизни и об ея силѣ.

— Смотрите! — скажут они своим видом. — Жизнь, загнанная вами в могилу, и оттуда нашла дорогу к вам. Так не гоните же ее, не пытайтесь совершить невозможное—задушить Солнце!

М. Хрисанфович.

Изгнанники.

Посмертная тѣса Ф. И. Чудакова).

(Картинки изъ жизни въ ссылкѣ).

Дѣйствіе I-е.

Большая крестьянская изба. Вдоль лѣвой стѣны—нары: доски, положенныя на длинныя скамьи. Койка старосты — у противоположной стѣны. Тонарный станокъ у одного окна и столярный верстанъ—у другого.

ВЕЧЕРЬ.

НИКИТА (лѣтъ 55, сѣдой, высокій, сухой) работаетъ у тонарнаго станка. СТАРОСТА (коренастый, усатый, лѣтъ 30)—у столярнаго, МАКСЪ (юноша, лѣтъ 20) за столомъ читаетъ, АНТОНЪ (стройный, съ большими волосами, лѣтъ 25) расхаживаетъ по комнатѣ, а БРОДЯГА (волосатый, сильный, лѣтъ 25) лежитъ на нарахъ.

Никита (осматривая рубанокъ): Козлятушки - ребятушки, опять рубанокъ кто-то бралъ?

Антонъ. Максъ, конечно!

Максъ. Вотъ же и не думаль.

Антонъ. Врешь, я вѣдь видѣлъ, какъ ты имъ брился, намылил щеку, сѣлъ передъ зеркаломъ и давай стругать, только искры сыплются.

Бродяга. Что зря на Макса клепать! Между нами говоря, товарищъ Антонъ твоимъ рубанкомъ языкъ подчищаль. Затупился, говоритъ, онъ у меня, надо, говоритъ, стружку съ него спустить.

Никита. Чудакъ человекъ, развѣ можно дубовыя вещи сразу рубанкомъ? Сперва нужно топоромъ оболванить, потомъ шершелемъ пройтись. А то весь рубанокъ иззубрилъ.

Антонъ. Какіе вы всѣ остроумные стали!

Никита. А что намъ не остроумничать? Жизнь наша легкая, духъ у насъ легкой...

Бродяга... пишпа легкая...

Никита... обуза, одежда легкая...

Бродяга. Вообще, легкость во всемъ необычайная.

Никита (поетъ): «Старъ я сталъ и шаловли-ивъ»... Панъ Староста, дай-ка брусочъ.

Староста. Подожди, я тутъ одну штуку соображаю.

Никита. Ну, соображай! Максъ, а ты-бы сообразилъ насчетъ чайку.

Максъ. Ладно, вотъ дочитаю.

Антонъ. Максъ увлекся Жюль Верномъ. Это послѣ молотьбы полезно.

Никита. Ну, какъ выдержалъ онъ экзаменъ?

Антонъ. Собственно говоря, педагогическій совѣтъ не вынесъ еще опредѣленнаго рѣшенія. Я по добротѣ души троечку бы поставилъ.

Бродяга. Ужъ очень ты строгъ! Я полагаю, что въ пригото-вишки по молотьбѣ принять его можно.

Антонъ. Значитъ, твоя нога уже зажила?

Максъ. Да я-же не нарочно!

Никита. А все-таки по ногѣ кому-то тянулъ?

Максъ. Это случайность! Бродяга-же самъ подвернулся.

Бродяга. Пожалуй, вѣрно. Я по глупости, стоялъ такъ, что какъ разъ, при извѣстномъ напряженіи, можно было достать цѣпомъ. Но если принять во вниманіе, что цѣпъ упалъ на ногу, а не на голову, то нельзя не признать, что Максъ проявилъ изумительное умѣніе. Хотя, конечно, я не буду протестовать, если завтра Максъ останется дома, а молотьбу предоставитъ намъ съ Антономъ, какъ общепризнаннымъ специалистамъ этого искусства.

Антонъ. А вѣрно, товарищи, въ концѣ концовъ, молотба не такое уже простое занятіе. Это именно искусство! Тутъ, если хотите, до дьявола поэзіи! Эти строго ритмическіе взмахи, удары по тугому снопу, отъ котораго цѣпь самъ взлетаетъ на воздухъ, — ей-Богу, когда войдешь во вкусъ работы, никакого усилія не чувствуешь! Руки такъ сами и ходятъ. Словно дирижируешь какой-то хорошей и бодрой пѣсней. А подъ цѣпомъ зерно такъ и мечется, струями крутится, волнуется... А попадетъ хорошо подсушенный снопъ, прямо изъ овина, такъ отъ перваго удара онъ прямо поетъ! Звенить! Серьезно! Тонкій такой металлическій звукъ.

Никита. Глѣбъ Успенскій особенно тонко чувствовалъ эту поэзію крестьянскаго труда. Помнишь его рассказъ про эту... какъ ее... Варвару, что ли? На сѣнокосѣ, помнишь?

Бродяга. Антонъ ученъ, хорошо все это рассказалъ. Дѣйствительно... Я вотъ люблю молотбу. За эти двѣ зимы я перемолотилъ столько, что мнѣ на всю жизнь хватило бы на шаньги. И хожу на молотбу съ удовольствіемъ. Плата нищенская... гривенникъ въ день. Но дайте мнѣ полтину въ день и заставьте жать — не пойду. Жатва никакой поэзіи не допускаетъ. По крайней мѣрѣ, здѣсь, въ этой благословенной Челдоніи. Спина болить анафемски, кровь къ головѣ приливаетъ, а главное, мошка окаянная. Вѣдь приходится въ сѣткѣ работать! Потъ такъ и течетъ. Духота. И въ добавокъ — въ рукавицахъ! Нѣтъ, той работы я не люблю.

Антонъ. Не знаю, не пробовалъ.

Бродяга. И не пробуй, товарищъ! Расскаешься. Лучше нанмайся стаи чистить. Грязная работа, пакостная, но какъ-то интереснѣе. Особенно, когда начнешь весной ледъ скалывать. Хорошо, когда ледъ оттаетъ отъ земли, подцѣпишь его ломомъ, и какого-нибудь лѣшаго, этакъ, пудовъ на семь выворишь. Кряхтитъ, язви его, упирается, а ты гнешь въ сторону, наляжешь плечемъ, — трахъ! — свалилъ! Но нѣтъ лучше работы, какъ весной дрова пилить. Вотъ, дѣйствительно, поэзія! Правда, какъ-то жалко сперва. Стоитъ какая-нибудь сосна, барыня, этакъ въ три обхвата, свѣжая, здоровьемъ такъ и пышетъ. До самой вершины — ни одного сучка. А вверху — корона, вѣнецъ! Подойдешь, помотришь — жалко рубить. Первый ударъ наносишь нехотя. Второй, третій. Но когда полетятъ сочныя щепки, запахнетъ смолистымъ этакимъ ароматомъ, а топоръ весело врѣжется въ упругую мякоть, — право, все забудешь и только и думаешь, какъ-бы посылнѣй размахнуться... А потомъ — паденіе дерева! Шумъ, трескъ, грохотъ! Или пилить начнешь. Ей-Богу, хорошо, братцы!

(Продолженіе следует).

забываго всѣхъ фракціоннаго фанатизма, пора отрезвиться, сбросить съ глаз повязку сектантства, из-за которой мы не видим общаго фона, общаго дѣла, общей пользы, а замѣчаемъ только отдѣльныя точки и пятна на этомъ фонѣ, пора опомниться, пора протянуть другъ другу руку примиренія, пора перестать засыпать трупами другъ друга ту пропасть, которая вырыта между двумя родными братьями усиліями ихъ общихъ врагов, пора понять, что эта пропасть, если и можетъ быть засыпана трупами и залита кровью, то тѣхъ, кто дѣйствительно желаетъ окончательно погубить дѣло революціи, а не тѣхъ, кто по плоти и духу есть родные братья и только по печальному глубоко трагическому недоразумѣнію зачисляются или, по крайней мѣрѣ, зачисляли до сихъ поръ другъ друга въ ряды контр-революціонеровъ.

Опомнитесь же, товарищи и граждане, всмотритесь еще разъ другъ въ друга, хорошенько, прислушайтесь другъ къ другу, заговорите на понятномъ для васъ языкѣ, ни страстей, ни злобы и мести за взаимныя обиды, за взаимное непониманіе, за взаимныя тяжкія, роковыя ошибки, а на языкѣ разсудка, искренняго доброжелательства, искренняго взаимнаго забвенія, взаимной снисходительности и терпимости во имя общихъ интересовъ, во имя одинаково дорогаго и роднаго каждому изъ васъ дѣла.

Итакъ, товарищи и граждане, противъ общаго врага — вооруженной буржуазіи и вооруженнаго монархизма — всѣ, какъ одинъ, встанемъ дружною стѣною, положимъ свою жизнь, если надо, но другъ другу мы обязаны, мы должны, повинувшись голосу разума и сердца, протянуть руку примиренія и дѣйствовать заодно. И ужъ ни въ какомъ случаѣ мы не должны обнажать меча другъ противъ

друга, и всѣ наши внутренніе споры и разногласія должны рѣшаться не штыкомъ, не пролитіемъ крови другъ друга, а словомъ и голосомъ!

Безпартійный демократ.

—)(—

От редакціи.

«Чайка», между прочимъ, задается цѣлью дать посильную ей оцѣнку такъ трагически угаснаго в самомъ расцвѣтѣ несомнѣнно весьма яркаго поэтическаго таланта в лицѣ Федора Ивановича Чудакова; желаетъ также, елико доступно ея силамъ, выявить во весь ростъ интеллектуально — индивидуальный портретъ этого даровитаго и во всѣхъ отношеніяхъ стоявшаго на цѣлую голову выше обыкновенной посредственности человѣка.

Кромѣ того, редакція желала бы выяснитъ отношеніе общества къ его добровольному уходу отъ жизни. Поэтому всѣ желающіе высказаться публично на данную глубоко волнующую многихъ тему приглашаются прислать в «Чайку» свои мысли и соображенія, являющіяся общимъ отвѣтомъ на общій же вопросъ:

— В чемъ можетъ заключаться разгадка той кошмарно злобщей загадки, которую представляетъ собою трагическій конецъ талантливаго поэта и публициста?

В первомъ № «Чайки» предполагалось положить начало осуществленію редакціонной задачи в отношеніи личности Ф. И. помещеніемъ двухъ его портретовъ и критической статьи. Но вслѣдствіе неизготовленія своевременно клипше, начало это пришлось отложить до слѣдующаго номера.

«Чайка» усердно проситъ также всѣхъ, кто зналъ Ф. И. по ссылкѣ, совместной работѣ на поприщѣ общественной и политической

дѣтельности, кто сталкивался с ним, подходил к нему вплотную, имѣло или иное общеніе в частной жизни или просто знает что-либо интересное, эпизодическое о нем, как о поэтѣ, гражданинѣ и человѣкѣ, — не отказать зафиксировать на бумагѣ свои воспоминанія о нем и впечатлѣнія, характеризующія его личность, и прислать таковыя для опубликованія.

Все это вмѣстѣ взятое помо-

жет нам составить и сохранить в памяти болѣе или менѣе цѣльное и правдивое представленіе о той большой цѣнности, о том крупном талантѣ, который мы, как нерадивый раб из притчи Бого-человѣка, безвозвратно зарыли в землю...

—)(—

Редактор-Издатель

М. Х. Катаев.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1918 ГОД

на газету

ИЗВѢСТІЯ

Совета Трудящихся Амурской Соціалистической Федеративной Республики

Выходит в г. Благовещенскѣ, ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничных.

Подписная плата принимается на срок не болѣе 3 мѣсяцев, по 3 р. 50 к. в мѣсяц.

Адрес редакціи и конторы: Графская улица № 10.
Телефоны №№ 160 и 350.

Открыта подписка на 1918 год

на освѣдомительную и литературно-политич. газету

Благовѣщенскіе дни,

выходящую ежедневно в г. Благовещетскѣ, кромѣ дней послѣпраздничных.

Программа газеты: единый революционный демократическій фронт, защита революционных завоеваній, свободы слова и пр.

Подписная цѣна: на 1 мѣсяц — 4 руб. Отдельный №-р 25 к., на лин. ж. д. 30 к. Подписка принимается: Офицерская, 29а от 9 ч. утра до 2 ч. дня.

Редактор-Издатель Л. Т. Ванчикова.